

Наталья Аннеева

Рассказы

Миниатюры

Наталья Аннеева
Рассказы. Миниатюры

«Издательские решения»

Аннеева Н.

Рассказы. Миниатюры / Н. Аннеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504887-5

В этой книге представлены рассказы и миниатюры из жизни наших современников, рассказы о братьях наших меньших — домашних питомцах, истории о необычном и таинственном, что вторгается порой в обыденную жизнь.

ISBN 978-5-00-504887-5

© Аннеева Н.
© Издательские решения

Содержание

Одна простая жизнь	6
Подруга-цыганка	6
Про любовь	7
Сестры	9
Блондиночка	11
Сати	13
Карп	15
Покой только снится	18
Елка	21
Что, вас уже на машине подвозят?	24
Мистер и Маргарина	27
Одна простая жизнь	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Рассказы Миниатюры

Наталья Аннеева

© Наталья Аннеева, 2019

ISBN 978-5-0050-4887-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одна простая жизнь

Подруга-цыганка

Моя подруга-цыганка была яркая, золотисто-смуглая, с глазами черными, очень большими и блестящими. Она была полновата и носила длинные юбки.

Отца своего она боялась. Он был злой и бил ее мать, если та не приносила домой денег. Подруга говорила, что мать надевала по пять юбок одновременно, чтобы никто не видел, как она истекает кровью после его побоев.

Подруга была добрая. С ней мы разговаривали обо всем. Одноклассницы советовали мне не дружить с ней, потому что она – «черная», а я – «белая». Наша семья приехала с севера. Там цвет моих волос никого не удивлял. Но здесь из-за этого контраста все обращали на нас внимание. Прожаренные на южном солнце одноклассники говорили, что я – «белая, как черт». (Почему черт должен быть белым? Странная какая-то мысль!) Они говорили, что меня плохо одевают, и что я плохо причесана. Я им не нравилась. Но мне было наплевать. Этим летом я с удивлением обнаружила, что знаю много такого, о чем они не имеют ни малейшего представления. Как мой отец, я постоянно читала, и количество прочитанного, очевидно, перешло в качество. И еще я постоянно выдумывала разные фантастические истории.

Подруга не читала совсем. Она вовсе не была глупа, но у них это было не принято. Она любила слушать мои фантазии. Глаза ее загорались, губы приоткрывались, на лице появлялась улыбка. Мы долго бродили по улицам после занятий, пока она не спохватывалась, что времени уже много, и не убегала.

Осень была сухой, теплой, небо ярко синело, и листья шуршали под ногами. Пахло дымом от горящей в кострах листвы. По воскресеньям на базаре было очень изобильно. От винограда, арбузов, яблок, айвы, каштанов и прочего ломились прилавки. Караваи хлеба в нашем магазинчике были высоки и пышны необычайно. На линейках с песнями пролетали свадьбы. Кони, гнедые и тонконогие, были очень красивы.

Потом настала зима, пошли дожди и снег, и подруга перестала ходить в школу. Ее не пускал отец. Видеться нам не удавалось. На улицу ее тоже не пускали. В школе это никого не удивило – она же была цыганка.

А потом наша семья неожиданно переехала в другую область. Мне даже не удалось попрощаться с одноклассниками. Больше я никого из них не видела.

Спустя три года я училась в институте. У меня был белый в тонкую серую полоску костюм с короткой юбкой и бело-черные туфли на шпильках. Мои волосы квартирная хозяйка сравнивала с перьями чайки, такие они были светлые и блестящие. В читалке после занятий наши смуглые иностранцы поглядывали на меня из-за учебников и, случалось, спрашивали, не из Прибалтики ли я.

А моя подруга за два года до того была выдана замуж. Школу она так и не окончила. Они тоже куда-то уехали. Я часто ее вспоминаю. Она была совершенно индийского типа, как героини Раджа Капура. Ее звали Лида.

Мы были в чем-то очень похожи.

Про любовь

Когда все собрались вечером за столом, и в доме стала тесно и шумно, красавица Анька уже так устала, что ей хотелось только упасть и уснуть.

Анька была приглашена в дом в качестве помощницы пожилой уже хозяйкой по случаю приема многочисленных, свалившихся как снег на голову родственников. Для нее, живущей на пособие, никакие деньги не были лишними, а Сергеевна, хозяйка, была доброй и всегда щедро расплачивалась с ней.

За столом смеялись, пели и пили. Гостей было много. Анька не успела рассмотреть их из своего кухонного закутка. Было жарко и душно. Когда Сергеевна послала ее в погреб за абрикосовым компотом, она присела ненадолго на скамейке под яблоней, остыть. И в эту минуту увидела его...

Он был красив, высок и строен. Он был одет, как принц, то есть в светлые брюки и светлую рубашу. Мужчины в Анькиной семье никогда не носили светлое. Ее мать говорила: « Не принцы! Стирать-то на них!»

Матери стирать было некогда. Она попивала и вообще была слабого здоровья. Ее красота, когда-то кружившая головы окрестным парням, давно увяла, повторяясь, однако, в красоте дочери.

Статная, черноглазая и чернобровая, белая и румяная, с немного крупноватыми, но правильными чертами лица, Анька была на удивление миловидна. Многие парни заглядывались на нее, но она еще никого никогда не любила. Представления о любви у нее были ужасно не современные. Она, окончившая всего пять классов и переставшая ходить в школу из-за того, что однажды зимой выпал снег – редкость для их местности, страшно любила читать. Читала она в основном любовные романы. Естественно, она ждала принца, и вот он появился.

Анька глядела на него, широко раскрыв и без того большие, в мохнатых ресницах, глаза. Она с первого взгляда полюбила его раз и навсегда. Ведь любовь с первого взгляда – вовсе не выдумка, она существует!

Красивый молодой мужчина с удивлением взглянул на вытаращившую на него глаза девушку и улыбнулся. Она была хороша собой, несмотря на странные тряпки, в которые ее кто-то обрядил. Выпитое вино кружило ему голову, все казалось немного нереальным и милым. Он подошел и заговорил с ней.

Он был хорош собой и привык не церемониться с женщинами, которые казались ему доступными. Но вежливость и галантность, передавшаяся, очевидно, от предков, были всегда при нем. Анька была очарована. Ее принц говорил и вел себя по-королевски. Все было забыто. В темных зарослях сада он целовал ее и говорил ей ласковые, нежные слова. Он любил ее, и звезды на черном ночном небе были свидетельницами этой любви.

Утром гости разъехались. Анька, пришедшая утром убирать посуду, уже не встретила его. Она даже не знала его имени, но ждала его и думала только о нем. А он утром не сразу вспомнил о своем ночном приключении. Странная встреча с молчаливой красивой девушкой показалась ему такой малозначащей! В шуме и суете города он быстро забыл о ней.

Встретились они через несколько лет. Сергеевна умерла, и он приехал на похороны. В хмурой черноглазой женщине, распоряжающейся на кухне, он не сразу узнал Аньку. Только когда она взглянула на него, и темные мохнатые ресницы взлетели, как крылья бабочки, он вспомнил ее, и сердце его вдруг замерло и забилось часто. Он улыбнулся и заговорил с ней...

Она жила одна. Мать умерла, близкие все разъехались... Сын, ее радость и гордость, уже ходил в школу. Он был удивительно похож на отца – настоящий маленький принц.

Но она не сказала ему об этом. О сыне он узнал от соседей Сергеевны.

Дома у него была семья. Жена, властная, современная и деловая, и дети, живущие какой-то своей жизнью, в которую ему не было доступа. Как получилось, что молчаливая черноглазая Анечка и ее милый мальчишка заняли в его сердце так много места, он не понял и сам. Но со времени их второй встречи не было ни дня, чтобы он не думал о них и не посещал их при каждом удобном случае. Виновато в этом было, очевидно, то странное, неожиданно и по неизвестным причинам возникающее, до конца не понятное и не нуждающееся в понимании чувство, которое называют – Любовь.

Сестры

Студенческие каникулы кончились, нужно было собираться в город. Зимой путь был один по льду через реку, затем семь км пешком до районного городка и потом около часа езды на автобусе. Молодым это было – раз плюнуть. Только вот погода стояла теплая не по времени, и лед на реке таял.

Утром мать ушла на работу, поцеловав дочерей на прощание, и они, позавтракав и быстро собравшись, отправились в путь. Девчонки были как девчонки, старшая – посерьезней и поумней, а младшая, как в сказке, – писаная красавица. Они не были особенно дружны. Сказывалась разница в возрасте почти в три года и то, что раннее детство прошло у них по разным бабушкам: одна росла в городе, другая – в деревне. Любви между ними не было, но не было и больших ссор. Мать, овдовев, растила их одна. К ней они обе были очень привязаны.

Утро было солнечное и теплое. Снег уже весь растаял. Селенье располагалось на острове посреди реки. Вытянутый вдоль по течению остров заканчивался песчаной косой, с которой до противоположного берега было около километра. Летом и зимой при отсутствии льда здесь была лодочная переправа, а в морозы по застывшему льду люди ходили и даже ездили на машинах.

Когда сестры дошли до берега, там уже стояли человек шесть. Все с беспокойством смотрели на реку. Лед на ней лежал мостом шириной около двухсот метров, а выше и ниже темнела и плескалась вода. Идти было страшно, но другой дороги не было. Все чего-то ждали, однако на реке обстановка не менялась.

Время шло. Народ постоял, постоял – и понемногу разошелся... Рисковать жизнью никому не хотелось. Девчонки остались на берегу одни. За студенческие годы добираться домой и уезжать из дома им как только не приходилось! Через реку ходить они не боялись, потому что вся жизнь селения была связана с рекой, а несчастных случаев на их короткой еще памяти не случалось. Иной раз кто-то проваливался под лед, но все всегда выбирались. Но теперь старшая боялась за сестру: та была слабее, и в случае чего... О страшном не хотелось думать!

Но опоздание на занятия грозили отработками и прочими прелестями.

Так девчонки простояли около получаса. Попутчики не появлялись.

Наконец какая-то старая уже женщина с котомками подошла к ним и спросила, чего они ждут.

– Лед плохой? Айда, девки! Не бойсь! Перейдем!

Девчонки ступили на лед следом за старухой, которая уверенной походкой двинулась вперед.

Сначала лед казался крепким. Но ближе к середине реки стали видны полыньи и промоины, лед прогибался под ногами, в промоинах при каждом шаге колыхалась темная вода. Старуха вдруг остановилась, в глазах у нее мелькнул страх.

– Девки, вы уж смотрите! Я ведь совсем слепая! Идите вперед!

Возвращаться было так же страшно, как и идти вперед. Пошли вперед. Старшая из сестер шла, высматривая наиболее безопасную дорожку, за ней шла младшая, потом – старуха. Между

дышащими промоинами пробирались быстро и осторожно. Вода плескалась, солнце светило, а небо сияло весенней незамутненной голубизной. Старшая молчала и думала, что если младшая уйдет под лед, она пойдет следом. Младшая шагала за ней и, по привычке надеясь на такую сильную, как ей казалось, сестру, почти ничего не боялась. О чем думала старуха – не известно. Промоины она, вероятно, не видела, идя следом за девчонками. Над рекой парили сердитые ангелы, охраняя компанию. Дорога казалось бесконечной.

Наконец сестры и старуха все-таки благополучно добрались до противоположного берега. Там стояли люди, в тревоге глядя на сумасшедших. Идти через реку не решался никто. Один из стоявших пообещал рассказать все матери. Старшая сердито взглянула на него, но промолчала. Слава богу, своего обещания он не исполнил. Мать ни о чем не узнала.

Когда девчонки поднялись до половины горы по дороге к городу, знаменитой когда-то крепости, и обернулись, ледяной мост на реке уже оторвался от берегов и плыл вниз по течению. Старшая сестра посмотрела на младшую. Та улыбнулась ей всем своим милостивым лицом, и старшая ответила ей такой же ласковой улыбкой. Они вдруг поняли, что любят друг друга, что связаны навсегда, и то, что их соединяет – чувство родства и общности по крови, крепче всех внешних обстоятельств, сильнее дружбы и привычки. И после, в течение лет, среди неразберихи, беспорядков, неурядиц жизни, воспоминание об этой минуте гасило вспыхивающее временами чувство обиды и злости друг на друга. Ведь, как они поняли тогда, на реке, самое главное, они – сестры.

Блондиночка

Она была бы всего лишь одной из многих симпатичных блондинок, если бы не одно «но», которое невольно проступало в выражении ее лица, взгляде, манере говорить и улыбаться, голосе, смехе... Суть его была в странной по нынешним временам наивности и доверчивости. Кто-то, возможно, назовет это глупостью. Но девочка не была глупа. Однако зло, существующее в мире, казалось ей далеким и нереальным, имеющим место быть где-то там, в другом измерении.

Что было причиной? Родительская любовь, стремящаяся оградить от реальной жизни? Влияние книг? Может быть. Но в конце концов так ли важна причина? Девочка была такой, какой была, и все тут.

Когда она, цокая каблучками, шла по вечернему городу, мужчины смотрели ей вслед. Казалось, она плыла над асфальтом, и лицо ее светилось ожиданием радости.

– Хорошенькая блондиночка! Но она еще этого не понимает! – со странной грустью сказал как-то один из них...

Она еще никого не любила и ничего не боялась, как аборигенка страны непуганых птиц. Или, быть может, идиотов?

В тот вечер ей не везло. Домой, в один из отдаленных районов города, ехать нужно было с пересадкой, и когда она вышла на промежуточной остановке, оказалось, что весь транспорт уже ушел.

Девочка простояла на безлюдной остановке до половины второго ночи. Давно уже стемнело. Не было даже такси. Редкие автомобили пролетали, слепя фарами. Она устала, и ее стало клонить в сон. Присев на скамейке в углу остановки, она уже почти дремала, когда черная иномарка затормозила, и молодой, чуть пьяный мужчина, открыв заднюю дверь, вышел и наклонился над ней. Другой сидел в машине. Первый заговорил и предложил подвезти до дому. Она обрадовано улыбнулась и поднялась со скамейки.

Мужчина усадил ее на заднее сидение, сел рядом, и машина тронулась. В автомобиле было тепло. Звучала музыка. Попутчик добродушно болтал и казался симпатичным. Она объяснила, где ее дом. Водитель, лица которого она не видела кивнул молча. Машина неслась по улицам, вскоре замелькали огни пригорода.

Неожиданно сидящий рядом обнял ее и с силой привлек к себе. Она удивленно и испуганно вскрикнула и взглянула на него. В свете мелькающих фонарей лицо его показалось отвратительным. Она попробовала вырваться, отстраниться, но он крепко держал ее и все пытался поцеловать своими влажными, липкими губами.

Водитель захохотал и грубо выругался, прибавляя скорость. Приятель его, торопясь и сопя, одной рукой расстегивал на себе одежду, другой удерживая до смерти перепуганную девушку...

Неожиданно девочка перестала сопротивляться, и он почувствовал на губах ее поцелуй. Она засмеялась и заговорила с ним, будто бы пытаясь устроиться поудобнее. Он разжал

руки, говоря, что так-то лучше, что они прекрасно повеселятся. Автомобиль между тем вошел в поворот...

Что произошло дальше, было страшным в своей неожиданности. Девушка, освободившись, с отчаянной силой вдруг вцепилась в волосы водителя, запрокидывая его голову. Тот на мгновение, пытаясь освободиться, выпустил руль, и машина, вылетев с полотна дороги, врезалась в придорожное дерево со всей силой своего веса, помноженного на сумасшедшую скорость...

Очнувшись в реанимации через пару недель, водитель не мог ничего вспомнить. Друг его погиб, а девочка, отделавшись ушибами и шоком, была уже выписана из больницы.

О том, что пришлось ей пережить, она никому не рассказывала. Казалось, внешне она не изменилась, была по-прежнему мила и хороша. Но в глубине ее души шла скрытая и злая работа. Горько обиженный ребенок постепенно уступал место скептической и жесткой женщине, видящей жизнь трезво и без прикрас.

Сати

...Как-то мы с Лейлой остались в комнате вдвоем. Девчонки-старшекурсницы куда-то уехали. Но вдвоем мы были недолго. Лейла натащила полную комнату своих и не своих «землячек», которых, по ее словам, «притесняли». Они сидели у нас днем и ночью, спали на свободных кроватях, учили уроки, болтали, пили кофе и курили.

Последнее мне не нравилось, потому что я терпеть не могла табачный дым, но они часто открывали окно и проветривали комнату. С ними было весело, и я постепенно привыкла к запаху табака. Девчонки были из Сирии, Иордании, Эфиопии, Ливана, Египта, Латинской Америки и еще бог весть откуда. Смешливые и болтливые, они вовсе не походили на забитых тихонь. Но однажды Лейла привела действительно обиженного ребенка. Маленькая прехорошенькая девочка с пушистыми черными волосами и прекрасными грустными глазами пришла из Индии. Наша сырая и ветреная осень была ей вовсе не привычна, она простудилась и сильно кашляла. Ее соседки по комнате предположили, что у нее туберкулез, и девочка из-за этого плакала.

– Пусть она у нас поживет пока, ладно? – сказала Лейла.

– Да, конечно, пусть живет, – согласилась я.

– Ты знаешь, она сирота! – сказала Лейла. – Папа у нее умер, и мама тоже. Она по ним плачет до сих пор.

– А от чего они умерли?

– Отец болел, а мама... У них такой обычай, – она сожгла себя на его погребальном костре!

– О, ужас какой!

Я думала, что такое бывало только в старые-старые времена, но, оказывается, несмотря на запрещения правительства Индии, жуткий обычай все еще кое-где сохраняется.

Девочку звали Мира. Она почти не говорила по-русски, но мы с Лейлой прекрасно изъяснялись с ней «на пальцах». Мира прожила с нами целую неделю. Она была робкая и тихая, но очень понятливая и с прекрасной памятью. Я помогала ей с уроками. Лейла готовила еду и варила кофе. Прибегали арабки и возились с Мирой, как с ребенком.

На тумбочке у Миры стояла открытка с красивой нарядной девушкой в сари. Девушка плакала. Справа и слева от нее были небольшие изображения двух пар – синекорого бога Шивы и богини Сати, и того же Шивы с богиней Парвати. Палестинка Даляль, болтавшая по-русски как сорока, рассказала нам, что девушка – невеста. Она боится, что ей придется сжечь себя, если будущий муж умрет раньше нее, и поэтому плачет. Но это, оказывается, не страшно. Ведь жена Шивы, Сати, сожгла себя и потом явилась в образе Парвати, и теперь они счастливы с Шивой и будут счастливы еще много-много лет.

Открытка была очень красивая, но перспектива гореть на погребальном костре как-то не вдохновляла. Обычай носил название Сати и показался нам с Лейлой диким и бесчеловечным. Мы с ней жалели бедную Миру, как будто ей уже реально грозил костер.

Погода, между тем, все больше портилась. Подул очень холодный восточный ветер, стало подмораживать. Однажды Лейла сказала, что Мира просит сводить ее в магазин, чтобы купить шапку. На подготовительном факультете можно было купить зимнюю одежду, но, так как денег у студентов было немного, им предлагали то, что шилось для подростков. По улицам же ходили

девушки и дамы в очень элегантных по тем временам нарядах. Естественно, девчонкам хотелось такого же.

На следующий день мы отправились по магазинам. К нашей компании присоединилась Бадма, тоже индианка по национальности, но приехавшая откуда-то из Африки. Она была высокая, полная и смуглая.

В магазинах, естественно, был обычный ширпотреб. В конце концов, мы добрались до центрального универмага. В отделе головных уборов девушки-продавщицы окружили Миру. Они говорили, что она – настоящая красавица из индийского фильма, несли всевозможные шапки и шапочки, примеряли на нее, крутили ее как куклу и любовались ею. Действительно, на фоне серой, поздней уже осени и привычной будничной обстановки Мира выделялась, как экзотический цветок. Бадма девушкам показалась похожей на испанку. Она спросила меня, красивы ли испанки. Я сказала, что очень красивы, поэтому она не расстроилась и добродушно подсмеивалась над Мирой, окруженной вниманием любительниц индийского кино.

В числе прочих, предлагалась шапочка под леопарда, изготовленная, естественно, из натуральной цигейки. Она очень шла Мире. Но девушки так усиленно втолковывали ей, что шапка – из натурального меха, что девочка вообразила, будто речь идет о натуральном мехе леопарда, а так как шапочка стоила недорого, то что-то с этим мехом не чисто. Поэтому она не решилась ее купить. Бадма выбрала для себя что-то белое и пушистое, а Мире мы так ничего и не подобрали.

Вечером мы опять пили кофе. Собралась большая компания «землячек», и было весело. Потом, уже ночью, мы с Лейлой сели за уроки. Мира заснула и плакала во сне. Наверно, ей снились родители. Девушка на открытке улыбалась сквозь слезы, Шива, Сати и Парвати тоже улыбались. В их небесном царстве все были счастливы, в том числе, наверное, и родители Миры, если они сейчас были там.

Карп

Нашего учителя истории мы звали Карпом. На самом деле его имя было Николай Карпович. Немного выкаченные глаза и полуоткрытый рот делали его похожим на рыбу. С острой наблюдательностью детей мы вечно находили в его внешности что-нибудь смешное. Карп нас, казалось, презирал. Мы отвечали ему насмешками за спиной. Открыто дерзить не решался никто, даже Генка, признанный хулиган нашего ба.

Карп называл нас троглодитами, а иногда – идиотами. Об идиотах у нас было какое-то представление. Кто такие троглодиты, мы не знали. Степная станица, где взрослые с утра до вечера заняты работой на полях, конечно, не культурный центр страны. Интернета еще не было и в проекте, и наши мозги в некоторых отношениях на самом деле были девственно чистыми.

– Кто написал «Трех мушкетеров?» – спрашивал Карп на уроке, и когда самый начитанный из нас отвечал: «Александр Дю'ма», разражался смехом.

– Ах, Дю'ма! А есть еще писатели Зо'ля и Ба'льзак! – смеялся Карп. – Троглодиты вы, вот вы кто! Никакой культуры!

– Пап, а что значит «троглодиты?» – спросила я как-то вечером у отца.

Рассеяно подняв голову, он отвечал:

– Дикари. Пещерные люди.

– А Ба'льзака ты читал?

– Надо говорить «Бальза'к», с ударением на последнем слоге, – раздраженно ответил отец, – тебе еще рано его читать, – Впрочем, пойдешь, запишись в библиотеку. Тут хорошая библиотека. Попроси «Последнего из могикан» Купера или что-нибудь в этом роде.

Библиотека действительно была богатая. Колхоз-миллионер не жалел денег на книги. Я записалась и почему-то взяла «Жерминаль» Золя у слегка удивленной библиотекарши. И после этого начала читать все подряд, в том числе и Купера. Учительница литературы не возражала, когда на ее уроке я читала что-нибудь постороннее, а Карп меня вдруг зауважал. Отвечая на его уроках, я иной раз, не успев заглянуть дома в учебник, удачно приплетала что-нибудь в тему из прочитанных книг. Ему это нравилось. А вообще-то он всегда ужасно сердился, если мы не знали урока. «Тройка» была его любимой отметкой. Но часто было просто: «Два! Завтра придешь с отцом».

Уроки у нас проходили в старинном одноэтажном здании, где до революции, как говорили, помещались атаманские конюшни. Зимой печи в нем топили дном, чтобы ребятам из второй смены было тепло. В тот понедельник нам всем почему-то было ужасно весело. Может, потому, что ярко светило солнце, и в воздухе пахло весной, хотя на дворе еще был февраль. Учиться не хотелось, а до конца уроков были еще математика и история. На перемене мы хохотали и наперебой предлагали различные способы, которыми можно было бы сорвать уроки. Но это все было, конечно, в шутку. Всерьез на какую-нибудь каверзу вряд ли бы кто решил.

Начался урок математики, и Анна Михайловна вызвала к доске Таньку. Хорошенькая Танька моментально запуталась и за спиной Анны Михайловны с ужасными гримасами стала умолять о подсказке. Но мы шипели так вразнобой, что она ничего не могла понять. Слезы стали уже наворачиваться у нее на глаза, когда Генка поднял руку и попросил разрешения

выйти. Ему разрешили, он вышел, через пару минут вернулся и сел на свое место. А еще через пару минут у всех запершило в горле, из глаз потекли слезы, мы начали чихать и кашлять.

Перепуганная Анна Михайловна спешно стала выгонять всех из класса. В коридоре уже толпились малыши, все бежали к дверям, там образовалась настоящая толкучка. Коридоры и классы заполнял едкий и острый дым. Из соседнего здания прибежали директор, завуч и технички. Они открыли двери и окна, и вскоре помещение было проветрено. До конца урока мы пропрыгали на легком морозце во дворе, а потом пошли на историю.

Карп пришел с опозданием, сердитый и красный. Он чихал, и нам это показалось ужасно смешным.

– Ну, и кто из вас устроил эту пакость? – спросил он.

Мы стали хором кричать, что не имеем к происшествию никакого отношения. Карп отошел к окну и долго стоял у форточки, тяжело дыша. А в нас словно вселилась сотня бесенят. Отвечать урок не было никакой охоты, поэтому мы решили «разговорить» Карпа. Все знали за ним такую слабость: если его о чем-нибудь спросить, он увлеклся и начинал рассказывать подробно и интересно. Что-что, а рассказывать он умел!

Кто-то из мальчишек поднял руку и спросил с самым невинным видом: «Николай Карпович! А что такое фашизм?»

Вопрос был придуман наспех и совсем не по теме урока. О войне мы все, конечно, знали по фильмам и рассказам взрослых.

Карп повернулся и посмотрел на нас красными глазами. Лицо его вдруг исказилось и стало страшным. Некоторое время он молчал. Потом медленно отошел от окна и заговорил:

– Фашизм – это горе и смерть! Это миллионы убитых! Это концлагеря: Майданек и Освенцим, и Саласпилс, и много других! Это трупы, трупы и трупы замученных!

Мы замерли, а Карп ходил по классу и все говорил, говорил:

– Это сожженные села и разрушенные города! – почти кричал он быстро и отрывисто. – Какие погибли люди! Они могли жить долго и растить детей... Вы не знаете, что значит терять своих друзей, терять близких?! Какое это горе? И слава Богу, что вы этого не знаете! Дай бог, чтобы вы этого никогда не узнали!

Он говорил, и слезы текли по его лицу. Мне сейчас уже не вспомнить всего, что было им сказано. Но впечатление, которое произвело это на нас, запомнилось на всю жизнь. Мы сидели потрясенные и притихшие. Нам было стыдно, как будто мы совершили что-то недозволенное.

Наконец, Николай Карпович замолчал, достал платок и вытер лицо. Казалось, ему тоже было не по себе от того, что он так вот открылся перед нами, сопляками. Он прошелся перед доской и повернулся к классу. Помолчал и вдруг сказал, глядя на нас в упор: «Вот из таких мерзавцев, как тот, что кинул сегодня в печь какую-то гадость, и вырастают фашисты!»

И тут Генка вскочил со своего места и заорал: «Я не фашист!!!»

Вслед за этим он схватил с парты черную доску, запустил ее в классную доску и выскочил из класса. Прозвенел звонок. Николай Карпович взял журнал и, молча, вышел.

С тех пор прошло много лет. Мы выросли и успели постареть, а Николай Карпович умер. Генка тогда так и не вернулся в школу, хотя его не исключали. Говорят, они с Таней поженились, став взрослыми.

Отец, когда я рассказала дома эту историю, рассердился и сказал, что наш класс – сборище бестактных идиотов. Оказывается, в войну у нашего учителя погибли все родные. Сам он воевал и был не один раз ранен. В самом деле, в День Победы мы видели его у обелиска в костюме, увешанном множеством орденов и медалей. Наверно, он и сердился, и преувеличивал наши недостатки потому, что ему очень хотелось, чтобы мы, дети, были достойны памяти погибших.

Кажется, у нашего поколения это не очень хорошо получилось.

Покой только снится

Катя ждала ребенка. Этого еще никто не знал, кроме ее близких. Но на ее побледневшее и подурневшее личико сотрудники поликлиники уже обратили внимание. Входя в свой кабинет, Катя садилась за стол, если никого не было, клала на него руки и, пристроив на них голову, несколько минут приходила в себя после дороги. Ее мучили слабость и поташнивание. Насмешница Таня, педиатр, работающая с ней в одном кабинете, заставляя ее в таком расслабленном состоянии, все допытывалась о причинах усталости. Но Катя только счастливо улыбалась...

Однажды, когда она уже заканчивала прием, из детской больницы сообщили, что мамаша Родчикова сбежала и унесла своего полуторамесячного ребенка. Катя несколько дней назад насилу уложила их в стационар, так как у малышки начиналась пневмония. Оставлять ребенка дома было невыносимо, так как семья была неблагополучная. Родчикова пила и вообще была крайне безответственна. Маленькая Оленька, похоже, ей жутко мешала.

Не дождавшись вечно опаздывающей машины, Катя после приема побежала на вызовы. Участок у нее был большой. Дома частного сектора, деревянные двухэтажки и бараки тянулись по берегу реки на несколько километров. Первым делом она зашла к Родчиковой. Дверь ее комнаты была закрыта изнутри, и сколько Катя ни стучала, ей не открыли. Появившиеся из соседних комнат женщины сообщили, что Родчикова с утра пьет. Побарабанили вместе в дверь, но безрезультатно. За дверью чем-то гремели, что-то бормотали, но открывать отказывались.

Вызовов было много. Когда Катя выходила от десятого по счету ребенка, прикатил шофер Леша и, как всегда, начал оправдываться. Единственную в больнице машину посылали с утра в двадцать разных мест. Успеть везде вовремя при всем желании было невозможно. Поэтому Катя и Таня, молодые врачи, машиной пользовались редко. Но сейчас Катя была ей рада. Обслужив оставшиеся вызовы, она снова наведлась к Родчиковой, и опять без толку. Тогда с ближайшего телефона она позвонила своей начальнице.

– Знаешь ведь, что делать! Вызывай милицию! – отрезала та.

Милиция базировалась в Опорном пункте микрорайона. Участкового на месте не оказалось. Катя позвонила дежурному по городу и обрисовала ситуацию. Ей пообещали прислать наряд. Шофер Леша начал канючить, что ему нужно еще в десять разных мест, и его пришлось отпустить.

Катя сидела в Опорном пункте в обществе двух странноватых женщин. Одна плакала, а другая демонстрировала увеличенный лимфоузел под мышкой и все спрашивала, чем его лечить. Пока Катя утешала одну и просвещала другую, пришел растрепанный маленький мужичок в майке и трико. Это был многодетный отец, отсидевший срок убийца-рецидивист Чупиков. К Кате он относился с большим уважением. Узнав, что она здесь делает, Чупиков пообещал найти участкового и ушел. После этого в течение полутора часов никто не появлялся. Дежурный по городу, которому Катя периодически звонила, отвечал, что нужно подождать...

Катя устала, голова у нее немного кружилась от голода, но она упорно ждала. Наконец дверь широко распахнулась, и толстый дядька в милицмейской форме ввалился в поме-

щение Опорного пункта. Широким движением швырнув фуражку в угол, он тупо уставился на Катеньку.

– Это ты – врач? – спросил он. – Про тебя Чупиков говорил?

И резюмировал неожиданно:

– Все вы, врачи, бездельники. Вам бы только медицинский спирт жрать!

До Кати не сразу дошло, что бравый участковый пьян в стельку. Обиженно поморгав длинными ресницами, она стала объяснять, что нужно помочь ей отправить тяжелобольного ребенка в стационар. Что она ждет уже более двух часов, а ей говорят какую-то ерунду про спирт...

– Я? Ерунду? – возмутился участковый. – Да ты пьяная, што ли?! Я вот тебя сейчас в КПЗ посажу!

И набрал номер дежурного по городу:

– Пал Палыч! Тут какая-то пьянчужка сидит. Можно, я ее в КПЗ запру?

Обе женщины, видя, что дело принимает серьезный оборот, выскользнули за дверь. Что ответил Пал Палыч, неизвестно.

Катя, поняв, что ее собеседник вовсе ничего не соображает, вырвала телефонную трубку у него из рук. Она успела сказать дежурному почти все, что хотела, пока опешивший от ее «наглости» участковый приходил в себя. Очухавшись, он отобрал у нее трубку, но на том конце провода на него заорали. Через пару минут долго ожидаемый наряд милиции прибыл. Не успев войти, симпатичная женщина и два мужика-милиционера сразу набросились на Катю.

– Зачем вы сказали, что он пьяный? Да он всегда такой! – сердито твердила женщина, защищая сослуживца.

– Теперь нас всех отправят на экспертизу! – страдали мужики.

Кате все это надоело, и она зло отчеканила, что трезвым экспертиза не страшна. Представители милиции обиженно замолчали, и вскоре все уселись в машину и поехали к Родчиковой.

С помощью милиции дверь удалось открыть быстро. Родчикова сидела в накуренной комнате вдвоем с собутыльником. За ее спиной на кровати чуть слышно пищал и задыхался ребенок. Катя развернула грязные, мокрые пеленки и стала быстро осматривать его. Девочка кашляла, в легких у нее хрипело, синее личико жалобно кривилось.

– Собирай ребенка! Надо возить его в больницу! – обратилась Катя к «заботливой» мамаше.

– Вам надо, вы и собирайте! – заявила та с пьяной ухмылкой, не трогаясь с места.

Катя завернула девочку в грязное ватное одеяльце и взяла на руки. Родчикова даже не пошевелилась.

Когда Катя с хрипящим ребенком уже сидели в машине, женщина-милиционер вдруг заявила, что на «своем» автомобиле они больного ребенка не повезут. Если он умрет по дороге, будет виновата милиция. А им это надо? Пусть врач вызовет «Скорую»!

Катя связалась со «Скорой» и объяснила ситуацию. Машину прислали быстро. Через 15 минут они были уже в приемном отделении маленькой детской больницы. Время было вечернее, в больнице были только дежурные врач и сестры. Она возилась с ребенком, отравившимся неизвестными таблетками. Врач чень нервничала, еще один тяжелый больной ее не обрадовал. Она предложила Кате самой разбираться со «своим». Катя подняла девочку в процедурный кабинет. Пришла старенькая, опытная сестра...

После уколов и капельницы ребенок немного порозовел, задышал более свободно и уснул.

Когда Катя вышла из больницы и отправилась домой, на другой конец городка, было уже темно. Она шла и думала, что девочка теперь не умрет. Она очень устала, ей было обидно, что милиционеры вели себя так грубо. Но она помнила, что жизнь – борьба, и что покой только снится. К тому же, ничего особенно страшного не произошло.

Елка

Приближался Новый год. Катя, молоденькая врач-педиатр, ждала его с нетерпением. В детстве этот праздник был для нее полон волшебства. Он ассоциировался с восхитительным запахом хвои и мандаринов, с ожиданием чуда, и, конечно, с елкой. Без нее он был немислим. Катя и сейчас очень хотела елку. Но в заснеженном городке, лежащем среди лесов, их почему-то не продавали.

Здесь много чего не продавали, и она к этому уже привыкла. Время было нелегкое. Чтобы не остаться без продуктов на зиму, они с мужем выращивали летом картошку и собирали грибы, осенью солили капусту. В выходные на рынке удавалось купить мясо, правда, за ним приходилось долго стоять. Соседка, работающая в столовой, иногда предлагала продукты, но Катя предпочитала обходиться без ее помощи.

Несмотря ни на что, Катя, ее муж и их друзья были молоды, веселы и оптимистичны. Бытовые мелочи их не расстраивали. Они умели накрыть праздничный стол, не имея под рукой никаких деликатесов, за исключением банки майонеза. Но вот сейчас отсутствие елки удручало. Казалось, чего проще: пойти в лес и сруби. Но на дорогах даже ночью дежурили и ловили «елочников». Попавшемуся грозил довольно большой штраф.

Утром 29 января Катя обслуживала вызовы. Перед праздником их всегда было много, так как народ начинал готовиться к праздничным застольям заранее. Катя ходила по домам, осматривала больных, ставила диагнозы, выписывала рецепты, давала советы и рекомендации. Она любила детей и работала с удовольствием. В ней самой еще оставалось что-то от ребенка, несмотря на старания казаться солидной и строгой.

К счастью, тяжелых больных сегодня не было. Оставался последний вызов – к Чупиковым. Они вызывали к младшему, трехмесячному, ребенку. После того как родители от души попарили его в бане, а потом облили холодной водой, малыш закашлял и затемпературил. Катя выслушала у него в легких хрипы, характерные для пневмонии. Ребенка нужно было класть в больницу, но папаша Чупиков, маленький, лысый, похожий на Ролана Быкова, наотрез отказался отпускать туда жену накануне праздника. Катя уговаривала его долго, но безрезультатно.

Бывший рецидивист Чупиков после освобождения начал новую жизнь и обзавелся семьей, взяв за себя женщину с четырьмя детьми. Недавно у них родился еще один. Младший, родной, был самым любимым. Чупиков за него боялся, но считал, что с лечением справится не хуже больничного персонала.

– Выпишите нам таблетки, доктор! – просил он. – Я ведь на зоне за врача был, сам буду Сереженьку таблетками поить!

– Маленький ребенок – это вам не взрослый мужчина! А если состояние ухудшится? За больным ребенком до года необходимо постоянное врачебное наблюдение. Впереди праздник, и поликлиника не будет работать! – уговаривала Катя.

Но убеждать Чупикова было бесполезно. В конце концов Катя оставила направление в больницу, а сестре велела вечером и утром делать ребенку инъекции антибиотиков.

На следующий день она снова зашла к Чупиковым. Состояние ребенка не улучшилось, но ни отец, ни мать не соглашались на госпитализацию. Катя расстроилась.

В подавленном настроении она шла после работы домой. Был вечер. Уже стемнело и сильно похолодало. Редкие прохожие спешили по домам. Приближающийся праздник не чувствовался. Дома муж Володя сказал Кате, что ночью будет мороз около 45 градусов, и это хорошо. Что в этом хорошего, Катя не поинтересовалась, так как голова у нее была занята мыслями о работе. Они поужинали и легли спать.

Во втором часу ночи Катя проснулась и вдруг поняла, что в доме она одна. Она обошла квартиру, посмотрела на часы, на градусник за заиндевшим окном. Он показывал -45. Куда Володя мог уйти ночью, еще и в такой мороз? На работу его не вызывали, сам он куда не собирался... Кате ничего не приходило в голову. Вернее, приходило, но мысли были уж вовсе какие-то дикие. Она вспоминала о разных несчастных случаях, про которые приходилось слышать, и ей становилось страшно. Она ложилась в постель и вставала, ходила по комнатам, выглядывала за дверь, смотрела в окно...

Так прошло около часа. Уже по-настоящему запаниковав, Катя стала одеваться, чтобы бежать разыскивать мужа. Но тут раздался скрип снега за окнами, шаги и какой-то странный шум. Она бросилась к двери и распахнула ее. Володя, заиндевший, как дед Мороз, в полушубке и валенках, стоял перед ней. Рукой он придерживал большую заснеженную елку.

– Катька! Ты чего не спишь? – почему-то шепотом спросил он. – А я хотел тебе сюрприз сделать!

– А ты и сделал, – сказала Катя и заплакала.

Володя смущенно закашлял, прислонил елку к стене и обнял Катю. Он был такой холодный, что Катя тут же перестала плакать и стала помогать ему раздеваться. Пока он отогревал руки и ноги, пока закипал чайник, елка тоже постепенно оттаивала, и по квартире поплыл запах хвои и праздника.

Потом они пили чай, и Володя рассказывал, где он взял такую замечательную елку. Лес начинался не очень далеко от дома, но там подходящих елок не было, и он пошел километра за два, к высоковольтной линии.

– Как ты не побоялся идти в такой мороз, сумасшедший? – спрашивала Катя.

– Да сейчас как раз само то! – смеялся Володя. – Никого на улицах нет. Зато в лесу полно мужиков, – елки под высоковольтной рубят. Кстати, твоего Чупикова встретил. Тоже елку своим ребятам выбирал. Ножовку ему дал, а то у него топор тупой, он с ним замучился.

Утром, когда Катя пришла на работу, сестра сказала ей, что малыш у Чупиковых сильно кашляет, – она забежала к ним перед работой сделать укол. В больницу они ехать наотрез отказываются, а сам Чупиков нервничает и злится, и что Кате надо быть осторожной, – мало ли что можно от него ожидать.

После приема Катя пошла в первую очередь к Чупиковым. Она боялась за ребенка и не знала, как еще уговаривать упрямого папашу. Дверь у Чупиковых была не закрыта. Катя постучала и вошла. Чупиков стоял на стуле, повернувшись спиной к дверям. Он обернулся на стук, пошатнулся и уронил небольшую елку, которую устанавливал на тумбочке. На ней уже висели кое-какие игрушки. Елка с шумом упала на пол. Катя испуганно вскрикнула, шагнула вперед и наклонилась, чтобы ее поднять. Чупиков спрыгнул со стула. Маленький, в больших валенках, он стоял перед Катей и молчал. Глаза у него были заплаканные.

– Я зашла узнать, как ваш малыш..., – начала Катя.

– Ничего, ничего, доктор, – заговорил Чупиков, – я сам подниму. А Сереженьку мы в больницу увезли. Извините, что я сразу вас не послушал. Ему хуже стало...

– В больнице он пойдет на поправку, – сказала Катя. Ей было жалко расстроенного Чупикова, и она старалась его утешить.

Они подняли елку и поставили ее на тумбочку. Несколько игрушек разбилось, но это было не страшно. Небольшая пушистая елка была очень красива. Она одуряющее пахла хвоей. Дверь открылась, – это прибежали с улицы ребяташки. Увидев елку, они запрыгали и загалдели. Чупиков заулыбался, улыбнулась и Катя. Они поздравили друг друга с наступающим Новым годом и пожелали друг другу счастья.

Что, вас уже на машине подвозят?

Что ж это я такая наивная? Ведь уж не девочка. Почти год, как мы с Игорем поженились. Пора бы остепениться! Так нет – так и тянет на приключения, так и тянет! Ну, зачем надо было садиться в машину к этому мужику? Это ж за кого он меня принял?

В общем, дело было так: стояла я после дежурства на остановке. «Шабашка» у меня одна есть – так, подработка на полставки, – на другом конце города. Городок у нас небольшой, поэтому автобусов – раз – и обчелся, но пешком добираться и далеко, и долго. Стою. Автобуса все нет и нет. Опаздываю, естественно, и – нервничаю, нервничаю! Опять мне шефиня Марья Павловна выговаривать будет. И так она на меня смотрит, как Ленин на мировую буржуазию! Завидует? Что ей, старухе, еще остается в ее-то 44 года?

Жарко, солнце палит, как сумасшедшее. На остановке, кроме меня, – ни души. Видно, автобус недавно был и всех забрал. Ну, думаю, будет мне от старухи! И вдруг – останавливается рядом со мной машина, что-то вроде Тойоты. Дверца открывается, симпатичный такой мужчина выглядывает и говорит:

– Что, давно стоишь?

– Да, – говорю, – минут тридцать пять уже. Работать надо, а тут шаром покати! Ни людей, ни машин...

На лица память у меня отвратительная. Но, думаю, это кто-то из друзей Игоря, наверное, узнал меня и решил подвезти.

– Так садись! ...Повторять тебе, что ли?

Я сажусь, дверцу захлопываю и говорю:

– А я вас что-то не припомню. Вы, наверно, друг Игоря?

– Ну да, друг. А ты что, всех его друзей помнишь?

– Нет, в том то и дело. Вот вас не помню. А вы меня знаете?

– Знаю. Уже целых пять минут, – говорит он загадочно. – Может, на «ты» перейдем?

– Ну, что ж, можно и на «ты». Хотя я «вы» предпочитаю.

Он между тем с места трогается и спрашивает:

– Едем куда? Или... никуда не едем?

– Едем, едем! – говорю, и побыстрее! На Красноармейскую, 54!

– Тю! Так это ж на другом конце города! Ближе-то нельзя?

– Ближе нельзя! Я там работаю. Но если вам не по пути – могу выйти!

– Да сиди уж!

Едем. Мелькают дома, зеленые и пыльные деревья, кусты...

– А ты ничего, симпатичная! Давно работаешь?

– Второй год уже...

– Что, другого занятия не могла найти? Удивляюсь я вам, девкам! Молодые, красивые, – и на тебе!

– Что значит – на тебе? Чем вам моя профессия не угодила? Она – одна из самых нужных.

– Да уж! Это верно. И денежная! Сколько, кстати, ты за сеанс берешь?

– Мне за сеансы не платят, я – на окладе. Правда, он невелик, приходится подрабатывать.

– Фу ты, ну ты! На окладе! Сколько ж я буду тебе должен?

– Вы? Мне? Нисколько! Это я вам должна. Правда, у меня сейчас денег – только на автобус, но Игорь с вами расплатится...

– Ты прикалываешься, што ли? ...Странная ты какая-то... И все выкаешь. Под интеллигентную косишь?

Ну, тут я даже обиделась. Отвернулась и замолчала. Думаю, пусть только довезет меня, а там я с ним распрощаюсь и больше никогда не увижу. А Игоря попрошу ему деньги передать, пусть этот грубиян не думает, что его услуга не будет оплачена!

Едем дальше, и он вдруг говорит:

– Может, заедем, бутылочку шампусика возьмем? Для поднятия настроения...

– Никаких шампусиков, вы – за рулем! – отвечаю строгим голосом. Когда надо – он у меня еще как пререзается!

– Ишь ты, какая правильная! Что, может, вовсе не пьешь?

– Не пью и не курю! Веду исключительно правильный образ жизни.

Тут он хохотать начинает. Хохочет, хохочет, – и вдруг тормозит резко, со стоном сгибается куда-то вправо...

– Ох, насмешила! Аж согнуло меня в дугу! ...Остеохондроз у меня, достал он меня уже! Погоди, сейчас отпустит немного, и поедем, – стонет он.

– Так я могу вам помочь!

Встаю. Нажимаю на несколько акупунктурных точек. Мужик прислушивается к ощущениям, немного погода лицо его светлеет, он улыбается.

– Все, отпустило! Спасибо! – говорит он. – Как это у тебя получается?

– Ну, это элементарно! Не стоит благодарности. Это – моя профессия.

– Хорошая у тебя профессия! Китайки научили?

– Почему китайки? У нас в институте был факультативный курс, преподавали наши, российские рефлексотерапевты...

Мужик некоторое время молча крутит баранку. Что-то, похоже, обдумывает. И тут мы подъезжаем к Красноармейской, 54. К детскому садику, в котором я подрабатываю. Старшая группа уже вышла на прогулку, воспитательницы и Марья Павловна по площадке похаживают; дети видят меня и кричат:

– Ура! Тетя Света приехала!

– Вот и приехали! Спасибо вам огромное, – говорю я. – Сколько я должна?

– Не понял! – говорит мужик. – Это что – садик?! Ты что, в садике, что ли, работаешь?!

– Ну да, по совместительству, врачом.

– А чего ж ты на остановке-то стояла?

– Как что? Автобус ждала. А вы что подумали?

– Ну, что я подумал, тебе... вам... знать не обязательно! ...А Игорь-то как же? – спрашивает мужчина, – его вы откуда знаете?

– Так мы учились с ним вместе с первого курса, а потом поженились. Он вам что, не рассказывал?

– Тот Игорь, которого я знаю, и десяти классов-то не окончил. Ну, вы меня и запутали! – говорит мужчина. Он явно огорчен...

Я выхожу из машины и прощаюсь. Спрашиваю, как его имя и как ему деньги передать. Он смотрит на меня:

– Я – Анатолий. А вы – Света? Приятно было познакомиться! Ничего вы мне не должны. Я вас просто так подвез. Смотрю, стоит симпатичная молодая женщина. Почему бы и не подвезти? – говорит он, как-то странно улыбается и уезжает.

– Что, вас уже на машинах подвозят? – спрашивает ехидно Марья Павловна, идя ко мне навстречу. – Можно узнать, кто это такой?

– Да так, добрый человек, – говорю, – на остановке меня подобрал. Автобуса опять долго не было.

– Запомните, деточка, – говорит Марья Павловна, – добрых людей на свете не бывает. А в машины к незнакомым людям садиться небезопасно. Вы что? Телевизор не смотрите? Кругом же одни маньяки! Впрочем, представляю, за кого он вас принял в вашей-то короткой юбченке! Ладно, поторопитесь. Вас младшая группа дожидается. Там плановый осмотр, не забыли, надеюсь?

Не забыла конечно же! Потому и торопилась, и нервничала.

А насчет добрых людей врет эта Марья Павловна, – есть они на свете и всегда будут. Это она напрасно... Что же касается юбки, то ее, правда, давно надо поменять на что-то более солидное, – я ведь ее еще на пятом курсе носила. Вот появятся у нас с Игорем деньги, обязательно куплю себе такой же костюм, как у Марьи. Она, надо отдать ей должное, одета всегда дорого и со вкусом...

Мистер и Маргарина

Маргарина приехала в Штаты в командировку. Маргарина – естественно, аббревиатура. Расшифровывается как Мария Гавриловна Ренатова. Но сотрудники звали ее сокращенно – Мар-га-рина. Получалось что-то, похожее на Маргариту, и она не возражала. Ей было 40 лет, она была не замужем, некрасива, неумна, неудачлива и не очень здорова. Но если вы думаете, что глупые и некрасивые не хотят быть счастливыми и любимыми, то очень ошибаетесь. Маргарина хотела. Она любила мечтать. И в своих мечтах воображала себя красивой, умной, удачливой, смелой, раскованной, любимой и свободной.

Насчет последнего – разговор особый. Свободной она не чувствовала себя никогда. Она была не свободна от обязанностей по отношению к больной и капризной матери, служебной зависимости от начальства, долга перед Родиной и народом, страхов и предчувствий, суеверий и предрассудков, идеологических догм, внушенных с первых классов школы, мнения соседей и знакомых и т. д. Перечислять можно долго, но незачем. И так понятно, что она тащила на себе тяжкий груз зависимости от всех и вся.

И вот, приехав в Штаты, пришла как-то Маргарина на берег Океана. Он не был похож на так знакомое ей Черное море. Он был огромен и дышал широко и свободно. Волны набегали на песчаный пляж, а вода была холодна и прозрачна. Глупая Маргарина сидела в шезлонге и воображала, что она потрясающая красавица, и вот сейчас подойдет к ней, ну, пусть не принц, но симпатичный и добрый человек и полюбит ее сразу и на всю жизнь. И они будут жить долго и счастливо, пока смерть не разлучит их.

И человек подошел. Это был не молодой, но действительно симпатичный мужчина. Толстая белая собака вела его на прогулку. Она подошла к Маргарине и ткнулась носом в ее руку. Маргарина испуганно вскрикнула, и мужчина стал ее, должно быть, успокаивать. Он говорил на английском, а Маргарина на слух его понимала плохо, хотя читала и переводила довольно сносно. Но в некоторых случаях слова ничего не значат. Любовь сразила их, как острый нож.

Через пару минут они смеялись и болтали каждый на своем языке, и прекрасно понимали друг друга. Могло показаться, что добродушный немолодой мужчина и худенькая женщина, похожая на девочку, знали друг друга всегда. Может быть, в предыдущей жизни они были близки и вот, наконец, встретились вновь? Почему бы и нет? В жизни еще и не то бывает.

Его звали Генри – типичное англоязычное имя. Он давно овдовел, и детей у него не было. Он был не беден, но и не богат. Ему было одиноко, и его одиночество скрашивали собака и книги.

На второй день знакомства он сделал ей предложение. Маргарина зарделась, потупилась и... согласилась. Она была счастлива. Она была счастлива до самого утра. А утром оказалось, что командировка заканчивается и надо возвращаться. Звонила мать, – у нее опять случился гипертонический криз. Начальница прислала письмо на e-mail, ей нужны были цифры к отчету и какие-то шмотки. Билеты были уже куплены. Долг перед Родиной настойчиво звал назад, и Маргарина заплакала и стала собирать вещи.

Генри провожал ее в аэропорт, хотя она объяснилась с ним и отказалась выходить за него. Он хотел писать ей, и она дала свой адрес.

Письма приходили сначала часто, а потом все реже и реже. Маргарина плакала. Но однажды наш мистер прибыл собственной персоной. И остался навсегда.

Счастливая Маша, бывшая Маргарина, живет с ним уже шесть лет. Работу она оставила. У них дом в деревне и небольшое фермерское хозяйство, маленькая дочь, белая собака, книги и интернет. Зимой им немного не хватает общения, но летом приезжают соседи-дачники, и становится шумно и весело. Когда же осенью все разъезжаются, Генри и Маша становятся еще ближе и дороже друг другу.

Скажете, сказка? А вот и нет!

Одна простая жизнь

Фотография начала прошлого века: под высокими деревьями расположилась семья. Красивая молодая женщина в центре – Мария. Она сидит, неловко сложив на коленях тонкие руки. Справа от нее – старуха-мать с маленькой девочкой в кружевном чепчике, дочкой Марии. Слева – сестры: средняя – хорошенькая, круглолицая; младшая – неуклюжая и некрасивая, с замкнутым и угрюмым лицом.

За спиной Марии высокий мужчина – Арсений, муж. Рядом с ним женщина в шали и длинном, до земли, платье – его мать, слева – подросток в гимназической фуражке, брат Марии. Фотография сделана в 1914 году, в день проводов Арсения на германский фронт.

Застывшие лица, темные, тянущиеся вверх деревья, – все полно настороженного ожидания. Истекают, как последние песчинки в песочных часах, мгновения привычной жизни. Это начало конца эпохи. Уже слышны шаги великих перемен и потрясений, чудовищных превратностей и странных, страшных неожиданностей...

Родилась Мария в Смоленской губернии, в маленьком старинном городке. Замуж выдали ее чуть ли не в 15 лет. Жили они хорошо, дружно, не бедно. Любила ли она мужа? Она думала, что любила. Он был на пять лет старше, добрый, заботливый. Писал иконы. Ремесло это передавалось в его семье из поколения в поколение. В первый год замужества все дарил молодой жене куклы, чтобы не скучала. Потом родилась у них дочка, Оленька.

Жизнь текла налаженно и спокойно. Казалось, так будет и дальше. Оленьке исполнилось три года, когда началась война с Германией, и Арсения мобилизовали. Воевал он где-то далеко, письма домой приходили редко.

Вернулся он домой только в конце 1917 года и показался Марии каким-то чужим. Она ли от него отвыкла, он ли за годы войны сильно изменился? Он посуровел, увлекся большевистскими идеями, много говорил о политике, а ей хотелось ласки и любви. Наскучалась она за годы его отсутствия вдоволь.

Пробыл Арсений дома недолго – в феврале 1918 г записался в Красную Армию и уехал на фронт. А летом семье сообщили, что его часть попала в окружение, и он убит. Мария горько плакала. Она ждала второго ребенка, ей было страшно и одиноко в пошатнувшемся, стремительно меняющемся мире. Исполнилось ей тогда 22 года. Была она очень хороша, – это видно даже на старой выцветшей фотографии: стройная, высокая, с правильными чертами чисто русского лица, темными косами, уложенными в узел на затылке...

Белые рвались к городку, бои шли совсем рядом. В городе ходили слухи о расправах с семьями красных. Слыша все это, родные уговорили семью уехать на время, подальше... Так оказалась Мария с семилетней дочкой, сестрами, братом и старой матерью в большом и чужом рабочем городке. Как добирались, как устраивались на новом месте, не хотелось и вспоминать...

Но время шло, и постепенно жизнь налаживалась. Сняли квартиру в доме на широкой улице, уходящей прямо к холодно синеющей реке, нашли работу. А когда липы и лиственницы в городском саду желтели и облетали, родился у Марии сын.

Зима в хлопотах с детьми пролетела быстро. А весной, в конце апреля, вдруг посватался к молодой вдове не старый еще мужчина, наборщик городской типографии. Она не хотела замуж, но родные настояли. Их обвенчали, и вскоре Мария, сама себе безмерно удивляясь, страстно, всем сердцем полюбила второго мужа.

Ей казалось, что раньше она просто не жила. А новый муж как-то сразу привязался к ее детям, – своих у него никогда не было. Он усыновил их и заботился о них, как родной, а на красавицу-жену не мог нарадоваться. Он оказался порядочным, заботливым и ласковым. Жизнь была трудная, голодная, но они были счастливы, потому что любили друг друга. Так пролетел год с небольшим, и вдруг ...объявился будто бы погибший Арсений!

Оказалось, что он был ранен и попал в плен. Его должны были расстрелять, но друг детства, белый, помог ему бежать перед самым расстрелом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.